

Как избежать рисков

Агранович М.Л. Александр Михайлович, мне показалось, что в перечне религий у нас христианство и православие почему-то оказались по разные стороны баррикад.

Асмолов А.Г. В поручении Д.А. Медведева перечислены основы православной культуры, основы исламской культуры, основы буддийской культуры, основы иудейской культуры, основы мировых религиозных культур и основы светской этики. Христианство присутствует в контексте мировых религий.

Кондаков А.М. Я просто дополню, что есть еще местный компонент. Если дети относятся к представителям протестантизма или католицизма или к любой другой конфессии, то соответственно в рамках курса культуры мировых религий этот компонент может быть реализован. Ни одна конфессия не забывается. Специально для этого сейчас делается книга для учителя как некое справочное пособие, где в достаточно сжатом виде дается информация по всем ключевым конфессиям, которые представлены в России. То есть в данном случае это, мы надеемся, не вызовет никаких трений.

Асмолов А.Г. Но серьезный риск есть. Потому что даже по основам православной культуры уже имеются дискуссии между старообрядцами и новоязычниками.

Никитин М.В. У нас появляется собственность и мы должны защищать собственность и формировать отношение к собственности. Поэтому я хотел бы услышать ответ на вопрос – собственность, товарно-денежные и денежные отношения каким-то образом в этой части будут представлены? Фиксируется ли в концепции в базовых ценностях отношение к собственности и позволяют ли методологические основы формировать отношение к видам собственности?

Кондаков А.М. В данном случае мы говорим о духовно-нравственном развитии человека, духовно-нравственной системе ценностей. И, откровенно говоря, товарно-денежные отношения, собственность мне представляются ка-

тегориями несколько иными по отношению к этому.

Асмолов А.Г. Я считаю, что вопрос адекватный. Такие ценности как частная собственность, свобода выступают, как ведущие ценности определенной либеральной мировоззренческой системы. И они имеют прямое отношение к проблематике, касающейся развития мировоззрения личности.

Митрофанов К.Г. Я не понимаю, какую проблему мы хотим решить этим курсом? Меня формулировка интересует.

Кондаков А.М. Вы знаете, вопрос хороший. И если ответить на него однозначно – воспитание духовно-нравственного человека, то понятно, что одним этим не воспитаешь. Поэтому если решать главную задачу курса, я бы ее сформулировал следующим образом. В условиях нарастания многообразия – более четкая фиксация в сознании ребенка поликультурности нашего общества, фиксация в сознании, что из разнообразия рождается единство. Если это получается, хорошо, если нет, то эксперимент, наверное, будет не очень удачным.

Но, тем не менее, я бы не хотел, чтобы в качестве результатов этого курса было обращение в какую-то веру, как это часто мы слышим от разных конфессий или признание ценностей какой-то религии, которая доминирует над другими, что тоже мы слышим. Поэтому это как раз очень опасные вещи, которые, к сожалению, присутствуют.

Собкин В.С. Ни в одном из сообщений при ссылаках на нормативные акты не была упомянута Конституция РФ, а это, как известно, основной закон. Не означает ли подобное «умолчание» фиксацию противоречий вашего подхода основному закону – Конституции РФ, где четко проводятся различия между светскостью нашего государства и религией?

Кондаков А.М. Концепция духовно-нравственного развития начинается с преамбулы из Конституции РФ и, безусловно, все то, что делается, построено на основе Конституции РФ.

Собкин В.С. Второй вопрос. Все религии основаны, я повторю здесь Мак-

са Вебера, на идее спасения. И в этом отношении религиозная этика при целеполагании и оценке человеческого поведения строится относительно именно этой идеи. Отсюда вопрос: в каком отношении сама идея спасения является определяющей в формировании нравственно-этического сознания человека XXI века, когда речь идет о воспитании в государственной школе? На мой взгляд, говорить вне идеи спасения о религиозной этике по меньшей мере странно.

Третий вопрос, который скорее связан с простым любопытством. В свое время была опубликована небольшая книга «Философские проблемы образования» под редакцией В.В. Давыдова. Ее авторами были А. Арсеньев, Ф. Михайлов, В. Библер, Э. Бесчережных и сам В. Давыдов. В этой книге было всесторонне рассмотрено принципиальное различие морали и этики. Поэтому, когда вы говорите, что ничего не было сделано в педагогике и в советской науке об образовании по проблематике морали и этики, это звучит некорректно.

Асмолов А.Г. Ваши замечания полностью принимаются. Это уникальная книга о морали и этике. Она нуждается в переиздании. В контексте обсуждаемых вопросов книга «Философские проблемы образования» под редакцией В.В. Давыдова, за которую он был обвинен в абстрактном гуманизме, надолго опередила время. Идейная основа этой книги – серьезнейшее методологическое основание построения обсуждаемого нами курса.

Данилюк А.Я. Я думаю, что нам нужно, прежде всего, избавиться от одной иллюзии, которую мы сами создаем и сами же пугаемся от того, что нам кажется. Нередко можно слышать, что экспериментальный курс предусматривает изучение основ религий. Мы думаем, что речь идет о некоем религиозном воспитании или просвещении. Может быть, с точки зрения конфессий, это действительно так, но мы, все-таки, говорим о светском образовании в общеобразовательной школе. Это совершенно другие задачи. Для разработки и реализации данного курса есть оп-

ределенная нормативная основа – Федеральный государственный образовательный стандарт второго поколения, уже подписанный Министром, а также программа духовно-нравственного развития и воспитания обучающихся начальной школы в рамках примерной образовательной программы.

Мы должны четко представлять себе, что введение данного курса не преследует никакого религиозного воспитания. Задачи нового курса определенны стандартом, программой и «Концепцией духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России». Хотя данная Концепция пока не является нормативным докумен-

том, но есть Федеральный стандарт и Закон РФ «Об образовании», согласно которым курс «Основы религиозных культур и светской этики» может быть направлен на достижение только одной известной цели – обеспечение условий для духовно-нравственного развития и вос-

питания. Все другие задачи подчинены этой цели. Воспитание, нравственное воспитание, гражданское воспитание.

Другое дело, какими средствами мы должны идти к этой цели. Сегодня определяются приоритеты государственной политики – консервативная модернизация России через традицию. Эта идея заложена в реализацию данного курса. Духовно-нравственное развитие обучающегося – это нравственное и гражданское воспитание через традицию, множественность наших национальных традиций, как то: основы православной культуры, основы исламской культуры, основы других религий, основы светской этики. Принятие традиции – всего лишь способ решения педагогической задачи духовно-нравственного развития школьников. К сожалению, даже в педагогическом сообществе, хотя уже и стандарт принят, примерная образовательная программа подготовлена, мы не можем избавиться от собственных страхов, и эти же страхи проецируем в общественное сознание. Мы ошибочно подменяем цель средством, воспитание – традицией и рассматриваем последнюю как самоцель.

Какой социальной рефлексией нужно обладать, чтобы оценить то, что Христу в свое время удалось сделать, но не удалось быть понятым.

Реморенко И.М. Думаю, что сообщение Ольги Александровн было провокационным, потому что сама попытка дать проблему воспитания в русле деятельностного подхода или в связи с деятельностным подходом, вызывает вопросы.

Я вспомнил историю о защите одной диссертации по измерению воспитанности. Строилась она приблизительно так: в школе останавливался мальчик, бегущий на перемене, и у него спрашивали про наличие носового платочка. Если у него этого платочка не было, то 2 балла, если есть, но сильно грязный, то 3 балла, если есть не очень грязный, то 4, если аккуратненький платочек из кармашка торчит, то 5 баллов. Ну и подобного рода вопросы. Я к тому, что мы здесь пытаемся как-то раскатать этот вопрос из тех соображений, а можно ли там выстроить некоторый деятельностный подход.

Потому что все модернизационные попытки, которые сейчас идут, они вроде бы из этих соображений. Вот интервью Валерия Федорова, руководителя ВЦИОМа, где он обсуждает, какие ценности у разных категорий населения, на кого нужно опираться, говоря о модернизационном сценарии развития России. И в конце говорится: чтобы обсуждать идейную платформу модернизации, надо говорить о специальных «историях успеха» и о продвижении их в общественном сознании. Это надо продвигать. Но напрямую связать те робкие попытки воспитательных и ценностных изменений с деятельностным подходом по крайней мере нетривиально.

Вот что будет предметом взаимодействия взрослых и детей на всех этих учебных курсах, пока непонятно. Где-то это реакция на общественный интерес. Ведь у нас выразителем общественных интересов среди всех общественных организаций во многом являются именно эти религиозные конфессии. А какие еще есть такие сильные организации, которые были бы выразителем широких кругов общественных интересов? Не особенно и видно их, к сожалению. Поскольку они выразители общественных интересов, они эту позицию транслируют, и появление этой апробации, эксперимента

– это есть реакция на этот общественный интерес. Может быть, там особо, наверное, надо в отдельных образовательных учреждениях искать «островки» деятельностного подхода, но по большому счету это просто разговор с детьми о том, какие есть традиции, почему они такие. Такая реакция, не доведенная до прямого действия.

В средствах массовой информации специально провоцируют: «А будут отметки ставить? Вот скажите, что будут, тогда мы вам вмажем!» Может, это действительно такой безотметочный разговор с детьми о том, что окружает их. Потому что две четверти по два часа в неделю. Это робкая попытка посмотреть и обсудить, что на самом деле происходит вокруг ребят в плане религий, окружающих их традиций. Конечно, она будет сопровождаться большим количеством интриг, провокаций и всего остального. Роль ФИРО в том, чтобы понимать и объяснять это со своей позиции, что нет здесь сверхчеловеческой задачи переделать сознание. Не случайно Митрофанов К.Г. спрашивал, что, а может ее и нет этой задачи в том виде, в котором она ставится соразмерно деятельностному подходу.

Нам поставили задачу сформировать гражданскую идентичность. Теперь мы за два часа в четверти обязуемся сформировать гражданскую идентичность. И по определенным критериям запишем, что это получилось. Ну, точно это не так. Это реакция на некоторые общественные потребности, интересы, мотивы и так далее. Но сама по себе исследовательская задача – а можно ли это делать? Так же, как в давыдовских разработках строились курсы математики или русского языка, когда был набор конкретных практических задач, связанных с совершенствованием мыслительных навыков, с формированием учебной деятельности и была некая стройная система. Наверное, здесь по-другому. Я думаю, что по-другому. И это другое нам еще надо поискать.

Новицкая М.Ю. Я хотела бы сделать акцент на такой проблеме. Может быть, этот курс, этот эксперимент даст нам возможность поискать, есть ли возможность среди многообразия культурных традиций России и наро-

дов России сопоставлять эти традиции, сравнивать эти традиции и ценности и находить нечто общее. Потому что, если найдем это общее, значит, и найдем путь к консолидации народов России.

И тут, наверно, важна позиция того, кто работает с этим материалом. Можно стоять на позиции Киплинга – запад есть запад, восток есть восток и вместе им не сойтись. А можно стоять на принципиально других позициях и понимать, что система ценностей и определенной конфессии и определенной национальной, этнической культуры это не нечто замкнутое, стабильное, самоцельное, не способное к развитию, а это некоторое открытое поле, это множество. И у нас есть несколько таких открытых и пересекающихся множеств. Может, в точках пересечения мы сможем, наконец, найти те ценности, систему ценностей, которыми мы будем заниматься. Если пойти по этому пути, я думаю, что многие риски будут не так страшны, как мы сами себя пугаем этими рисками.

Я могу сказать как этнограф, что есть три таких поля ценностей, где мы можем поискать точки соприкосновения и возможность для плодотворного разговора, не противостояния, а сотрудничества. Это поле экологической этики, поскольку это направление культуры всех народов и, кстати, и в религиозных культурах. Второе – семейная этика и третья – гражданско-патриотическая этика. Вот тут, я думаю, можно поискать хороший продуктивный путь сопряжения всех шести модулей.

Шмелев А.Г. Я был свидетелем того, как люди вполне интеллигентные очень деликатно обсуждали многие проблемы. Но когда речь заходила о выяснении каких-то тонкостей, связанных с трактовкой религиозных традиций, те же интеллигентные люди по ходу и логике обоснования своих позиций превращались почему-то в нетерпимых, не толерантных, не деликатных людей, не способных слушать другого. Я считаю, что они попадали в плен того семантического архаического поля, исторически сформировавшегося в силу тех ар-

хаических целей, которые религиозное сознание обслуживало на определенных исторических этапах: завоевательных войн, экстремистских течений, которые идеологически поддерживались определенными представлениями.

Вообще, когда люди в эту архаику впадают, они неизбежно попадают в плен каких-то межэтнических счетов. Потому колоссальные риски связаны с тем, что люди интуитивно это понимают и чувствуют. «Не трогай лихо, пока оно тихо» – гласит поговорка. То есть, лихо тихо пока оно спит. Это вредно хотя бы потому, что ввергает аудиторию в первобытные пласты архаического общественного сознания.

И достаточно проанализировать ритуально-символический смысл тех ритуалов, которые исполняются в современных религиях. Какой социальной рефлексией нужно обладать, чтобы оценить то, что Христу в свое время удалось сделать, но не удалось быть понятым, за что, собственно говоря, его и распяли.

Мне кажется, надо поставить вопрос о том, готовы ли мы, можем ли мы, есть ли у нас процедура аттестации людей, которые своим личностным развитием, обаянием, высокой интеллектуальностью и внутренней духовностью готовы покрыть все эти противоречия. Я не вижу такого потенциала в нашем педагогическом сообществе. Поэтому это приведет к усилению раздоров.

В программе есть намек на критическое осмысление, но с каких позиций, по отношению к чему? То, что мы наблюдали, это церковный маркетинг. И этот церковный маркетинг сегодня продвигается в школу. В обществе, где проблема справедливости стоит остро, где огромное количество недовольных и обездоленных. Сейчас движение к архаическим пластам, которые обслуживали скорее разделение людей по национальному и территориальному признаку, чем их объединение, – это архаика, она не объединит. Если ставится задача выделения отсюда современного этического содержания, которое там вызревало и нарабатывалось, то это оправданно. Но...эта филигран-

То, что мы наблюдали, это церковный маркетинг. И этот церковный маркетинг сегодня продвигается в школу.

ная работа была однажды выполнена. Коммунистическая этика вытаскала некоторые принципы, которые следуют религиозной этике, и использовала их. Это было сделано неплохо.

Карабанова О.А. Я присоединяюсь к мнению, что рискованно, вводить этот предмет в начальной школе. Этого делать нельзя, потому что там будет велик риск преобладания позиции вероучительства. У детей младшего школьного возраста еще не сформирована ни рефлексия, ни достаточный уровень интеллекта, нет задачи самоопределения.

Я не случайно говорила о подростковом возрасте как наиболее адекватном для введения учебного предмета «Основы религиозных культур и светской этики», потому что в подростковом возрасте, когда есть необходимая основа для критического восприятия нового этического содержания, это было бы востребовано и адекватно переработано.

Теперь о правомерности обращения к содержанию курса мировых религиозных культур. Мы не можем отгородиться от того, что религиозная мировая культура составляет часть нашего мирового наследия. С моей точки зрения, изучение основ различных религиозных культур создает риск интолерантности, но есть и плюс – воспитание толерантности. Например, человек читает Интернет, газеты, смотрит телевидение: все террористы – исламисты. Для того, чтобы такой идентификации не было, он должен познакомиться с культурой ислама, чтобы самостоятельно сделать выводы. Ислам не есть культура терроризма. Знание различных религиозных культур, их основных этических положений особенно важно, потому что это создает возможность противодействия «промыванию мозгов», создает основу развития социально-критического мышления. И последнее – религии и религиозные культуры тоже развиваются, как развивается и само общество, архаическое общество у нас осталось где-то далеко позади. Поэтому простой перенос позиций и мнений архаики на современность выглядит неуместно.

Собкин В.С. У меня по-прежнему, к сожалению, остались сомнения. Вот,

например, я обращаюсь к тексту М.Ю. Новицкой и вижу высказывание: «Духовной культурой народов России является идеал и закон жизни людей на земле, освещенный многовековым опытом мировых религий». Если подобным образом задается методологическая основа курса, то для меня, как человека, воспитанного в научной традиции, это неприемлемо. Подчеркну, что я не исключаю вклада мировых религий, но меру какую-то все-таки надо соблюдать. Более того, в связи с подобными разговорами начинается и профессиональное расшатывание языка педагогической науки, ее понятий и терминов. Это очень серьезный момент, который необходимо учитывать, потому что подобные сдвиги все время происходят.

Проблема духовно-нравственного воспитания, безусловно, острейшая проблема школы. Смысл образования, касающийся формирования нравственной позиции, нравственного человека никогда из педагогики не уходил, всегда в ней оставался и был в ней ключевым. А вот то, как это реализовывалось, на каком материале, в каких содержательных контекстах – это и есть главные вопросы педагогической практики образования, когда затрагивается проблема духовно-нравственного воспитания. Если, например, мы обратимся к «Капитанской дочке» А.С. Пушкина и рассмотрим ситуацию Петруши Гринева, его позицию по отношению к Пугачеву. Человек, который спас его любимую девушку, но которому он отказывается служить, потому что дал присягу и соблюдает эту присягу. То это и есть именно та ситуация нравственного конфликта, который ребенком должен быть освоен, прожит и разрешен. Это и составляет тот нравственный опыт, который приобретается в ходе освоения культуры.

Подчеркну, что подобные ситуации, касающиеся нравственного выбора, и образуют ядро того нравственного содержания, вокруг которого строится практика образования. Именно здесь методическая помощь учителю в работе с подобными ситуациями нравственного выбора и самоопределения крайне важна. Если мы говорим о той ситуации, когда один человек везет своего любимого сына, чтобы принес-

ти его в жертву (вы, конечно, догадываетесь, о ком я говорю), и при этом забываем, что он везет его три дня, то мы просто не понимаем и не ощущаем трагизма ситуации. Подробно именно это и обсуждает С. Кьеркегор. Так вот, если «промахнуть» эти три дня при разговоре с детьми – это одно, а если попробовать представить вместе с ними ситуацию, когда в течение трех дней человек везет своего сына, и о чем думает эти три дня, то это совсем другое. А вообще-то, нужен ли нам подобный разговор с учеником, и, самое главное, зачем? Если учитель идет на такой разговор, «напарывается» на такие проблемы, вытаскивает их, то тогда он и оказывается в поле проблем духовно-нравственного воспитания. Это, как мне кажется, очень важно, в этом и есть смысл преподавания не только литературы, но и других предметов.

И еще один момент. Здесь я, возможно, сам себе противоречу. Очень часто я действительно ощущаю себя «культурным обрубком». Так, например, подходя к какой-нибудь старой картине, я вижу сцены из религиозной жизни, но не понимаю сути происходящего, поскольку не знаю содержания очень многих религиозных сюжетов. В этом отношении обращение и знание религии крайне необходимо. Но другой вопрос – в каком возрасте и как разворачивать это особое содержание. Это специальная педагогическая проблема освоения мирового культурного опыта. Где современный ребенок, подросток, юноша может это получить? В СМИ – нет, в семье – тоже нет, остается школа. Я глубоко убежден, что подобные знания не просто нужны, но и очень важны для человека. Более того, они необходимы для человека 21 века, который не должен утратить связь с историей, которая во многом и строится на подобных сюжетах. Что он сможет понять в книгах Ф. М. Достоевского, если он не понимает, откуда и почему взят эпиграф: «Бесы, вышедшие из человека, вошли в свиней; и бросилось стадо с крутизны в озеро и потонуло». Что за свиньи, которых откуда-то изгоняют, от какого Луки все это сказано?

Первый и серьезный риск, которого должны избежать – это риск монополизации духовности той или иной конфессией.

Именно в этом смысле то, о чем мы сегодня говорим, затрагивает очень важную, принципиальную проблему современного образования.

Асмолов А.Г. Думаю, что ни у кого нет однозначных ответов на те вопросы, которые мы сегодня поставили при обсуждении методологии преподавания комплексного курса по основам различных религий в светской школе. Это обсуждение, я считаю, экспертиза путей решений данной задачи и оценка рисков неадекватного ее решения. Мы же выступаем как экспертное сообщество.

Огромные пласты культуры оказываются молчащими и закрытыми, когда мы проходим по музеям, читаем книги, смотрим фильмы, если у нас нет ключа

в виде знания основ религиозной культуры. Без этого понимания мы оказываемся слепыми и лишенными органа духовного восприятия реальности. Поэтому вопрос не в том, нужно ли ценностное основание развития образования. Нужно.

Вопрос в том, ради чего

это преподавать, как это преподавать, в каком возрасте преподавать. Без четкой рефлексии цели и мотивов этого курса, мы с вами окажемся в абсурдной ситуации.

Перед нами вариант очередной концепции в духе Кампанеллы. Мы каждый раз строим «Город Солнца» и без этого никак не можем обойтись. Кто бы и как ни критиковал утопии (сейчас мы привыкли говорить «программы»), но утопия – это необходимый механизм развития любой общественной системы. Вспоминаются слова Д. Б. Эльконина: школу все время бьют и упрекают за то, что она не так и не по тем или иным канонам воспитывает личность. Но когда общество не знает таких канонов, то почему мы школу делаем заложницей того, что не родило ни общество, ни государство?

У нас сегодня сложилась следующая ситуация: государство хаотически ищет, куда, к каким идеалам идти. Оно мечется между разными моделями тоталитаризма, религиозного государства и эмбрионами либеральных сценариев развития общества. В этой ситуации данная концепция – это еще

один из вариантов построения «желаемого будущего». Разработчики курсов берут на себя то, что делает государство, а именно идеологическую функцию развития общества.

Я считаю сверхнаивностью любые рассуждения о деидеологизации образования. Деидеологизация – другой вопрос. Деидеологизации не существует. Государство и общество могут делать выбор между националистскими и фундаменталистскими ценностями или же между коммунистическими и либеральными и/или клерикальными ценностями. Но так или иначе подобный выбор в культуре приходится делать. Попытка создания курса по основам религиозной культуры и светской этики как попытка такого ценностного идеологического целеполагания – уже смелость разных авторов подобных программ и учебных пособий.

Между тем хочу сказать и о рисках разработки таких странных сочетаний как духовно-нравственная культура, духовно-нравственное развитие и воспитание. В чем состоят эти риски?

В массовом сознании концептуализация духовности наталкивается на смысловую подмену. Эта смысловая подмена происходит, когда духовность отождествляется с религиозностью. Но духовность и религиозность – это две большие разницы. С моей точки зрения, первый и серьезный риск, которого должны избегать авторы разных программ курса по основам религиозной культуры и светской этики, – это риск монополизации духовности той или иной конфессией.

На самом деле и Спиноза, и Сартр, и Толстой, и Омар Хайям – это мастера духовности, независимо от их религиозных убеждений. Не так давно показывали фильм, посвященный близкому для меня человеку Василию Аксенову. Его, как и многих других, называли шестидесятником. Мне было 15 лет, когда мы все сидели за одним столом: Ахмадулина, Аксенов, Трифонов, Тендряков. Для меня эти люди – носители духовности и воспитатели моего поколения. Не важно, были ли Галич или Окуджава духовными чадами Александра Меня, но именно они определяли ценностные ориентиры свободного гражданского общества. И эту духовность я никому не отдам. Она

не сводится к духовным ценностям различных конфессий.

Если мы допустим монополизм какой бы то ни было конфессии на духовный мир личности, то школа может превратиться в территорию религиозных конфликтов, очередных «священных войн» в стиле джихада или средневековых крестовых походов за веру.

В заключение ещё раз хочу поблагодарить участников нашего круглого стола за многостороннее обсуждение такой важной социальной задачи построения в системе образования гуманитарной методологии преподавания курса, посвященного основам религиозной культуры и светской этики. Я не оговорился, охарактеризовав подобную задачу как социальную. Дело заключается в том, что поставленная Президентом РФ задача введения подобного курса затрагивает самые широкие социальные слои нашего общества. Она по самой своей природе выступает, пользуясь терминологией известного мастера культурной антропологии Бронислава Малиновского, как социальная инновация, а не только и не столько инновация внутри образования как отрасли.

Введение данного курса отражает необходимость и целесообразность приобщения подрастающих поколений к различным традициям, к ценностям духовной культуры человечества, без понимания которой немислимо моральное развитие личности.

Вместе с тем следует осознать, что данная социальная инновация без опоры на методологию гуманитарного знания несет определенные риски, о которых мы сегодня говорили. Среди этих рисков особо следует выделить риски консервативной модернизации общества, клерикальной приватизации массового сознания, сведения духовных ценностей к традиционным ценностям религиозных культур, а также опасность конфликтов в образовании на религиозной и национальной почве. Надеюсь, что прогнозирование подобных рисков поможет нам их избежать как в решении социальной задачи приобщения подрастающих поколений к сокровищам религиозной культуры и светской этики, так и в развитии гражданского общества в нашей стране.